

Рональд
Рейган
Маргарет
Тэтчер

Англосаксонская
мировая
империя

**Маргарет Тэтчер
Рональд Рейган
Англосаксонская мировая империя
Серия «Титаны XX века»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6684181
Англосаксонская мировая империя / Рейган Р., Тэтчер М.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0663-1*

Аннотация

Авторы этой книги – крупные мировые политики XX века. Рональд Рейган, 40-й президент США, внес большие изменения в экономическую, внутреннюю и внешнюю политику Америки. Согласно данным опросов общественного мнения, Рейган до сих пор занимает первое место по популярности среди современных американских президентов.

Маргарет Тэтчер, 71-й премьер-министр Великобритании, получившая прозвище "Железная леди", воплотила в жизнь ряд консервативных мер, ставших частью политики так называемого "тэтчеризма". Во внешней политике Тэтчер полностью ориентировалась на США.

В книге, представленной вашему вниманию, собраны лучшие статьи и выступления Рейгана и Тэтчер, показывающие причины, по которым США и Великобритания смогли победить СССР в "холодной войне" и создать всемирную англосаксонскую империю. Здесь говорится не только о достижениях на внешнеполитической арене, но и во внутренней политике, – все это, по мнению Рейгана и Тэтчер, предоставило исключительное право англосаксонской цивилизации определять вектор мирового развития.

Содержание

Рональд Рейган. Великая Америка	4
Быть американцем	5
Надо сменить курс	5
Об уличных беспорядках	12
О бюрократической бессмыслице	14
Мы – народ, которому служит правительство, не наоборот	15
Обращение к нации об экономике	18
Кто имеет право на забастовку	23
О нашем величии	24
С нами Бог	29
Самый ценный подарок – быть американцем	30
«Народ Америки заражен идеалами демократии»	32
«Чудесный город на холме»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган Англосаксонская мировая империя

Рональд Рейган. Великая Америка

Рональд Рейган – 40-й президент США с 1981 по 1989 гг. Также известен как актер и радиоведущий

Быть американцем

Надо сменить курс (Выступление Р. Рейгана по национальному телевидению в поддержку сенатора Барри Голдуотера, 27 октября 1964 года)

Большую часть своей жизни я был с демократами. Недавно я понял, что мне следует сменить курс. Я считаю, что стоящая перед нами проблема выходит за рамки партийных интересов. Одна из сторон, участвующих в этой кампании, заявляет, что главным вопросом на этих выборах является сохранение мира и процветания. Их тезис: «Никогда не было так хорошо!».

Меня же не оставляет тревожное чувство, что мы не можем строить свои надежды на будущее на таком процветании. За всю историю ни одна страна не смогла пережить налоговое бремя, превышающее треть национального дохода. 37 центов с каждого заработанного сегодня доллара идет в сейф сборщика налогов, и все же правительство продолжает в день тратить на 17 миллионов долларов больше, чем оно получает. Мы не имели сбалансированного бюджета в течение 28 из последних 34 лет. За последнее время мы трижды повышали потолок задолженности, и сейчас наш национальный долг в полтора раза превышает долги всех стран мира, вместе взятых. В нашей казне на 15 миллиардов долларов золота, но нам не принадлежит ни унции. За границей накопилось 27,3 миллиарда долларов, а мы только что объявили, что наш нынешний доллар стоит всего 45 центов по курсу 1939 года.

Что же касается мира, который мы будем сохранять, то я хотел бы посмотреть на человека, который мог бы пойти к жене или матери, потерявшей во Вьетнаме мужа или сына, и спросить, такой ли мир должен быть сохранен? Хотят ли они мира, или они хотят, чтобы нас просто оставили в покое? Не может быть никакого мира, пока хотя бы один американец погибает за нас с вами. Мы воюем с самым опасным врагом, с которым когда-либо сталкивалось человечество на своем долгом пути от терний к звездам, и если мы проиграем эту войну, то потеряем нашу свободу. История фиксирует, на удивление потомкам, что те, кому было что терять, сделали меньше всех, чтобы предотвратить такое развитие событий. Вот я и думаю, что пора нам спросить себя, помним ли мы о свободах, о которых мечтали отцы-основатели нашего государства.

Не так давно два моих приятеля беседовали с кубинским беженцем, бизнесменом, сумевшим спастись от режима Кастро. И вот в разгар беседы один из них говорит другому: «Мы не понимаем своего счастья». Кубинец перебил его: «Счастье – это то, что мне было куда бежать». В этой фразе суть проблемы. Если мы утратим нашу свободу, не останется места, где можно спастись. Это – последнее убежище.

Мысль о том, что правительство имеет обязательства перед народом, что у него нет иных источников власти, кроме полномочий, предоставляемых суверенным народом, все еще остается самой свежей, уникальной мыслью за всю долгую историю отношений между людьми. Это – основной предмет дискуссии на нынешних выборах. Либо мы поверим в свои возможности управлять самостоятельно, либо предадим забвению американскую революцию и признаем, что группка интеллектуалов в далекой столице может планировать нашу жизнь лучше, чем мы это сделали бы сами.

Нам все чаще говорят, что мы должны выбрать между правыми и левыми, но я хочу сказать, что нет таких понятий, как «правые» и «левые». Есть только понятия «вверх» и

«вниз», «вперед» и «назад». Вперед и вверх – к вековой мечте человечества – к безусловной свободе личности, соответствующей законности и порядку, или вниз, назад – к муравейнику тоталитаризма. И вне зависимости от их искренности и гуманных побуждений те, кто решат обменять нашу свободу на безопасность, встанут на путь, ведущий вниз.

Рональд Рейган в молодости

Сейчас, когда идет борьба за голоса избирателей, часто используется термин «великое общество». Несколько дней назад президент Кеннеди заявил, что следует признать наличие «растущей активности правительства в решении насущных проблем народа». Но в прошлом подобные заявления звучали более откровенно. То, что я сейчас процитирую, было опубликовано. Я не хочу, чтобы мои слова воспринимались как обвинения, выдвигаемые республиканцами. Среди самих демократов, например, раздаются заявления следующего рода: «... холодная война прекратится, если мы примем демократический социализм». Другие говорят, что стремление к прибыли вышло из моды, и что на замену ему должно прийти всеобщее благоденствие, или что наша традиционная система личной свободы не способна решить сложные проблемы двадцатого века.

Сенатор Фулбрайт сказал в Стэнфордском университете, что конституция устарела. Он назвал президента нашим духовным учителем и лидером и сказал, что действующие ограничения его полномочий, предусмотренные этим устаревшим документом, препятствуют выполнению им своих обязанностей. Ему нужно дать свободу сделать то, что он считает лучшим для нас.

А сенатор Кларк от Пенсильвании, другой замечательный оратор, определил либерализм как «удовлетворение материальных нужд масс путем предоставления всей власти централизованному правительству». Меня, например, возмущает то, что представитель народа называет нас – свободных граждан – «массы». Это термин, которым мы в Америке не пользуемся. Но это не все. «Полная власть централизованного правительства» – это именно то, что отцы-основатели стремились свести к минимуму. Они знали, что правительство не может воздействовать на неодушевленные предметы, не может управлять экономикой, не управляя людьми. И они сознавали, что, когда правительство попытается сделать это, оно должно будет использовать силу и принуждение для достижения своих целей. Они, отцы-основатели, знали также, что за пределами своих узаконенных функций правительство ничего не способно сделать так же хорошо и столь же экономично, как частный сектор экономики.

Прекрасным примером тому может служить вмешательство правительства в сельское хозяйство, продолжающееся на протяжении последних 30 лет. С 1955 года стоимость этой программы почти удвоилась. Четверть американских фермеров произвели 85 % излишков сельскохозяйственной продукции. Три четверти фермеров торгуют на свободном рынке, и доля их продукции в душевом потреблении возросла на 21 %. Деятельность оставшейся четверти регулировалась федеральным правительством. В течение последних трех лет мы

затратили по программе кормового зерна 43 доллара на каждый доллар стоимости бушеля кукурузы, которую мы не выращиваем.

Недавно сенатор Хэмфри обвинил Барри Голдуотера, что если последний станет президентом, то будет стремиться к уничтожению фермеров. Ему бы следовало получше подготовиться к выступлению, потому что тогда бы он знал, что в результате осуществления программ нынешнего правительства сельское население сократилось на пять миллионов человек. Он узнал бы также, что администрация демократов пыталась добиться решения конгресса о расширении своей сельскохозяйственной программы, чтобы включить в нее оставшихся свободными три четверти фермеров. Он узнал бы, что они просили предоставить им право заключать в тюрьму фермеров, отказывающихся вести бухгалтерию в соответствии с требованиями федерального правительства. Министр сельского хозяйства просил о предоставлении права на конфискацию ферм в случае установления такого правонарушения и на их перепродажу другим владельцам. В этой программе был пункт, который позволил бы федеральному правительству согнать с земли два миллиона фермеров.

В то же время наблюдался рост числа сотрудников министерства сельского хозяйства. Сейчас их приходится по одному на каждые 30 хозяйств, но они не могут ответить, куда исчезли 66 судов с зерном, предназначенным для Австрии, и почему «Билли Сол-Эстес» вообще не выходил в море!

Каждый серьезный фермер и фермерская организация неоднократно обращались к правительству с просьбами дать свободу фермерству, но кто они такие, чтобы знать, что для них лучше? Производители пшеницы голосовали против программы по пшенице. Но правительство все равно приняло ее. Теперь цены на хлеб растут, а закупочные цены на пшеницу падают.

Тем временем, если вернуться к теме городов, в них по мере обновления жилищного фонда продолжается наступление на свободы. Право частной собственности настолько ослаблено, что общественные интересы стали почти такими, какими они должны быть, по мнению нескольких правительственных плановиков. В ходе осуществления программы, когда берут у тощих и отдают толстым, происходят и такие случаи, как в Кливленде, штат Огайо, где здание стоимостью полтора миллиона, простоявшее всего три года, было снесено, чтобы осуществить то, что правительственные чиновники назвали «более рациональное использование земли». Президент говорит, что он собирается строить жилые дома тысячами там, где мы строили их сотнями. Но федеральная администрация жилищного строительства и Управление по делам ветеранов утверждают, что у них сейчас 120 тысяч домов, реквизированных по причине отказа в выкупе закладных.

30 лет мы пытаемся решить проблему безработицы с помощью правительственного планирования, и чем больше планов проваливается, тем больше их разрабатывается плановиками. Последний такой план представлен Управлением регионального развития. Они только что объявили округ Райе в штате Канзас районом, подверженным депрессии. В нем находится более 200 нефтяных скважин, и 14 тысяч человек из этого округа имеют на личных счетах в банках свыше 30 миллионов долларов. Когда правительство говорит тебе, что у тебя депрессия, ложись и не протестуй!

У нас столько людей, которые при виде толстого, стоящего рядом с тощим, неизбежно сделают вывод, что толстый стал таким за счет тощего! Поэтому они стараются решить все проблемы человеческих страданий за счет правительства и государственного планирования. Если государственное планирование, которое практикуется почти 30 лет, и есть путь к благоденствию, то пусть правительство время от времени рассказывает нам о своих успехах в этой области. Почему бы им не рассказать нам о ежегодном снижении числа нуждающихся в помощи? Или о сокращении потребности в жилье?

Истина, однако, в другом. С каждым годом вместе с ростом числа нуждающихся увеличиваются и ассигнования на государственную программу. Четыре года назад мы узнали, что 17 миллионов человек ложатся спать голодными. Ладно, быть может, так оно и было. Они все сидели на диете. Но теперь нам говорят, что 9,3 миллиона семей находятся за чертой бедности из-за того, что получают меньше 3 тысяч долларов в год. Сегодня расходы на социальное обеспечение в десять раз выше, чем в черные годы Великой депрессии. Мы тратим на это по 45 миллиардов долларов в год. Займемся немного арифметикой.

Оказывается, что, поделив эти 45 миллиардов между 9 миллионами нуждающихся семей, каждой из них досталось бы по 4,6 тысячи долларов в год, а если к этой сумме приплюсовать то, что они сами зарабатывают, то это упразднило бы бедность! Однако прямая помощь неимущим составляет лишь около 600 долларов на семью. Похоже, что где-то имеются кое-какие накладные расходы.

Итак, мы объявили «войну нищете», говоря «ты тоже можешь стать преуспевающим Бобби Бейкером». И неужели они рассчитывают на то, что если мы добавим еще миллиард к тем 45, которые мы уже тратим, и еще одну программу к тем 30 с лишним, которые уже есть, – причем обратите внимание, она не заменяет ни одну из них, а просто дублирует существующие – так неужели они верят, что нищета вдруг исчезнет как по мановению волшебной палочки? Должен заявить со всей откровенностью, что в этой новой программе есть раздел, не дублирующий предыдущие. Это раздел, касающийся молодежи. Из него вытекает, что мы решим проблему посещаемости занятий в школе, правонарушений среди несовершеннолетних, возродив что-то вроде прежних лагерей корпуса гражданской защиты, куда мы заключим нашу молодежь. Но давайте снова посчитаем. Мы обнаружим, что только на проживание и питание придется затратить по 4,7 тысячи долларов на каждого молодого человека, которому мы будем помогать. Однако всего за 2,7 тысячи мы можем отправить их в Гарвард. Только поймите меня правильно: я вовсе не хочу сказать, что Гарвард – это решение проблемы подростковой преступности!

Давайте серьезно. Что мы делаем для тех, кому хотим помочь? Недавно сюда, в Лос-Анджелес, мне позвонил судья. Он рассказал о деле молодой женщины, которая подала на развод. Она мать шестерых детей и ждала седьмого. Расспросив ее, судья узнал, что ее муж – чернорабочий, получает 250 долларов в месяц. Она просила развода, чтобы получить 80-долларовую надбавку: по программе помощи детям-иждивенцам она должна получать 330 долларов в месяц. Этой хитрости ее научили две соседки, которые уже так и поступили.

И все же когда мы с вами ставим под сомнение планы тех, кто действует из лучших побуждений, нас обвиняют в том, что мы выступаем против их гуманных целей. Они говорят, что мы всегда «против» всего и никогда «за». Беда наших либеральных друзей не в том, что они ничего не знают, а в том, что они знают много такого, что не соответствует действительности! Мы за то, чтобы нищета не была неизбежным следствием безработицы по старости, и считаем, что деятельность социального обеспечения – это шаг на пути решения проблемы.

Но мы против тех исполнителей программы, которые скрывают финансовые недостатки, заявляя, что любая критика в адрес программы означает, что мы хотим прекратить выплаты тем, чья жизнь зависит от этих выплат. В сотнях миллионов брошюр они называют это страховкой. Но, когда они предстают перед Верховным судом, они говорят, что это является программой социального обеспечения. Термином «страховка» они пользуются, только когда агитируют за нее. И они говорят: сборы на социальное обеспечение – это налог, взимаемый правительством на общие нужды, и что правительство именно так и использовало этот налог. Фонда не существует, поскольку, как заявил комитету конгресса Роберт Байере, главный актуарий фонда, дефицит социального обеспечения составляет 298 миллиардов долларов! По его словам, волноваться не о чем, поскольку до тех пор, пока они имеют

право взимать налог, они всегда могут взять у народа столько, сколько нужно, чтобы выйти из затруднительного положения! Именно этим они и занимаются.

Возьмем молодого человека 21 года, получающего среднюю зарплату. Его взнос в фонд социального обеспечения достаточен, чтобы приобрести на свободном рынке страховой полис, который обеспечит ему к 65 годам выплаты в размере 220 долларов в месяц. Правительство обещает 127 долларов! Он может дожидаться, когда ему исполнится 31 год, а потом взять страховку, по которой будет получать больше, чем по программе социального обеспечения. Так что же, неужели у нас не хватит деловой смекалки, неужели мы не сможем запустить эту программу, сделать так, чтобы люди, действительно нуждающиеся в этих выплатах, знали, что подучат их тогда, когда нужно... знали, что в холодильнике не пусто? Барри Голдуотер считает, что сможем.

В то же время разве мы не можем ввести элемент добровольности, который позволит гражданину лучше позаботиться о себе и получить освобождение от уплаты взносов по представлении доказательств, что он позаботился о том времени, когда уже не будет работать? Разве не должны мы разрешить вдове, оставшейся с детьми, получать то, что покойный ее муж уже оплатил? Разве не должны мы с вами иметь право указать, кто будет получать оплаченное нами пособие по этим программам? Сейчас мы такого права не имеем. Я думаю, пора сказать нашим престарелым согражданам, что никому в этой стране не будет отказано в медицинском обслуживании из-за недостатка средств. Считаю, однако, что мы не должны принуждать всех граждан поголовно участвовать в обязательных правительственных программах, особенно, когда имеются такие случаи, как объявленное банкротство программы здравоохранения Франции. Они пришли к концу пути.

Америка 1960-х гг.

Кроме того, неужели предложение Барри Голдуотера, призывающее правительство отказаться от своей программы преднамеренно планируемой инфляции, можно считать безответственным? Ведь в этом случае при получении вашей пенсии по социальному страхованию ваш доллар будет стоить доллар, а не 45 центов!

Я думаю, что мы за такую международную организацию, в которой все страны будут стремиться к миру. Но я думаю, что мы против подчинения интересов Америки интересам организации, структура которой стала настолько неэффективной, что сегодня в Генеральной Ассамблее ООН вы можете получить две трети голосов от стран, население которых составляет всего 10 % мирового. Считаю, что мы не должны выступать с ханжескими нападками на наших союзников за то, что они то здесь, то там цепляются за колонии, в то время как мы являемся участниками заговора молчания и ни слова не говорим о миллионах людей, влачащих рабское существование в советских колониях, в зависимых от СССР странах.

Я думаю, что мы должны помогать нашим союзникам, делиться нашими материальными благами с теми странами, которые разделяют наши основные идеи, но мы против того,

чтобы просто распределять деньги между правительствами, тем самым порождая если не социализм, то бюрократию во всем мире. Мы начали с помощи 19 странам, а сейчас помогаем 107. Мы истратили 146 миллиардов. Два миллиона из этих денег мы заплатили за яхту для Хайле Селассие. Мы покупали фраки для греческих предпринимателей и дополнительных жен для кенийских государственных служащих. Мы купили тысячу телевизоров для отправки в регион, где нет электричества. За последние шесть лет 52 страны купили у нас золота на семь миллиардов долларов; и все они получают от нас помощь. Не было еще на Земле правительства, которое добровольно сократило бы свой аппарат. Правительственные программы, однажды появившись, уже не исчезают. Собственно, это самое близкое приближение к той вечной жизни, которую мы вряд ли увидим на этой Земле!

В федеральных органах работают сейчас два с половиной миллиона человек. В федеральных учреждениях, в органах управления штатов и на местах занят каждый шестой трудоспособный гражданин. Эти разрастающиеся конторы с их тысячами инструкций и положений стоили нам многих наших конституционных гарантий. Многие ли знают, что работник федеральной службы может без ордера нарушить неприкосновенность нашей собственности? Они могут наложить штраф даже без формального разбирательства дела судьей, не говоря уж о суде присяжных. И они могут реквизируют и продать собственность гражданина с аукциона, чтобы обеспечить выплату этого штрафа. В округе Чико, штат Арканзас, Джеймс Уайер нарушил агротехнические требования на своей рисовой плантации. Правительство добилось наложения штрафа в размере 17 тысяч долларов, и американский судебный исполнитель продал участок площадью 950 акров с аукциона. Правительство мотивировало это стремлением преподать урок другим! 19 февраля этого года Норман Томас, который шесть раз был кандидатом в президенты от социалистической партии, сказал, выступая в университете Миннесоты: «Если Барри Голдуотер станет президентом, он остановит распространение социализма в Соединенных Штатах». Я думаю, именно это он и сделает!

Как бывший сторонник демократической партии, я могу сказать вам, что Норман Томас не единственный, кто проводит параллель между социализмом и курсом нынешнего правительства. Еще в 1936 году Ал Смит, великий американец, выступая перед народом Америки, обвинил руководителей своей партии в том, что они ведут вперед партию Джефферсона, Джексона и Кливленда под знаменем Маркса,

Ленина и Сталина. И он ушел из своей партии и не вернулся в нее до самой кончины, потому что и сегодня руководство партии ведет ее, эту прославленную партию, вперед, имея за образец Лейбористскую, то есть социалистическую, партию Англии. Теперь вовсе не обязательно экспроприировать или конфисковывать недвижимость или торговое предприятие, чтобы привести народ к социализму. Какая разница, фактически ли вы распоряжаетесь своей собственностью или только имеете права на нее, если правительство может решить, быть или не быть вашему предприятию или недвижимости? Структуру для проведения в жизнь подобных решений оно уже имеет. Правительство всегда найдет к чему придраться. Любой бизнесмен расскажет вам о своих мытарствах. Где-то в нашей системе произошла подмена понятий. Наши естественные, неотъемлемые права рассматриваются теперь как подачка правительства, и никогда еще свобода не была столь хрупкой, ускользающей из наших рук, как сейчас. Наши оппоненты из Демократической партии не очень-то хотят обсуждать эти вопросы. Они хотят заставить вас и меня поверить, что идет просто борьба между двумя претендентами... что мы просто выбираем между двумя людьми. Пусть они опорочат нашего кандидата, но, опорочив, они уничтожат и то, что он олицетворял, идеи, которые дороги вам и мне.

Разве он такой недалекий, самоуверенный любитель скороспелых решений, каким они его представляют? Я имел счастье знать его задолго до того, как он решил баллотироваться

на высокий пост, и могу со всей ответственностью заявить вам, что я никогда не встречал столь бескорыстного человека. Он неспособен на бесчестный поступок.

Это человек, который на собственном предприятии еще до своего прихода в политику ввел систему участия в прибылях, о которой профсоюзы тогда и не помышляли. Он выделил средства для приобретения страховок, обеспечивающих медицинское обслуживание всех своих рабочих. Он создал фонд для уходящих с работы пенсионеров, для всех своих работников, на который идет 50 % прибыли до уплаты налогов. Он пожизненно платил месячный оклад сотрудникам, которые стали нетрудоспособными. Он обеспечил присмотр за детьми сотрудниц, работавших в его магазинах. Когда во время половодья Рио Гранде затопила Мехико, он на собственном самолете доставлял лекарства и продукты.

Один отслуживший рядовой рассказал, как он познакомился с Б. Голдуотером. Это случилось за неделю до Рождества во время корейской войны в аэропорту Лос-Анджелеса, откуда солдат пытался добраться домой в Аризону. Аэропорт был заполнен военными, но билетов не было. Вдруг из репродуктора раздалось: «Все военнослужащие, кому нужно в Аризону, выходите к стоянке такой-то». Там их в своем самолете ждал человек по имени Барри Голдуотер. В течение недели перед Рождеством он ежедневно перевозил солдат в Аризону на своем самолете. Доставив их домой, он летел обратно за новой партией.

Во время предвыборной кампании, когда на счету буквально каждая секунда, этот человек нашел время, чтобы побыть у постели старой знакомой, умирающей от рака. Организаторы кампании торопили его, но он сказал: «Немного осталось тех, которым есть до нее дело. Я хочу, чтобы она знала, что я помню о ней». Это тот самый человек, который сказал своему 19-летнему сыну: «Нет лучшего фундамента для жизни, чем честность, и, если ты начнешь строить свою жизнь на этом фундаменте, цементируя ее верой в Господа, это будет хорошее начало». Это не тот человек, который мог равнодушно посылать на войну чужих сыновей. Отношение к войне – один из важнейших пунктов нашей кампании, по сравнению с которым все остальные представляют чисто академический интерес. Хотя, конечно, может возникнуть ситуация, при которой мы поймем, что находимся в состоянии войны, которую обязаны выиграть.

Те, кто готов променять нашу свободу на тарелку супа общества благоденствия, заявили, что они знают, как прийти к миру без победы. Они называют свою утопическую политику «примирение». Они говорят, что, если только мы избежим прямого столкновения с врагом, он забудет свои дурные намерения и научится любить нас. Всех, кто не согласен с ними, они называют поджигателями войны. Они утверждают, что мы предлагаем простые решения сложных проблем. Что ж, быть может, это и есть простой ответ. Не легкий, а именно простой.

Было бы хорошо, если бы у нас с вами хватило смелости сказать избранным нами руководителям: «Мы хотим, чтобы в основе политики нашей страны было то, что мы считаем правильным с моральной точки зрения. Мы не можем совершить глубоко безнравственный поступок – то есть купить свою безопасность и избавиться от страха, быть погребенными взрывом бомбы, объявив миллиарду людей, которые томятся в рабстве за «железным занавесом»: «Оставьте ваши мечты о свободе, потому что мы, спасая свою шкуру, решили пойти на сделку с вашими рабовладельцами». Александр Гамильтон сказал: «Нация, которая перед лицом опасности позорно пасует, уже готова подчиниться властелину, – этого и заслуживает!». Давайте говорить начистоту. Никто не поможет вам сделать выбор между миром и войной, но есть один надежный путь к миру... вы можете обрести мир сейчас же... сдайтесь!

Безусловно, любой путь, за исключением этого, сопряжен с риском, но история учит, что еще больший риск заключен в умиротворении, а именно это наши доброжелательные либеральные друзья и не хотят понять. Они не хотят понять, что их политика примирения есть умиротворение, при котором выбирать приходится не между миром и войной, а только

между борьбой и отказом от борьбы. Если мы будем продолжать примирение, продолжать отступать, нам неизбежно предъявят последнее требование – ультиматум. И что потом?

Никита Хрущев сказал своему народу, что он знает, каким будет наш ответ. Он сказал им, что мы отступаем перед натиском холодной войны и что, когда настанет время предъявить ультиматум, мы сдадимся добровольно, потому что будем ослаблены изнутри духовно, морально и экономически. Он верил в это, потому что слышал у нас призывы к миру «любой ценой» и «лучше красный, чем мертвый» или, как заявил один обозреватель, «лучше жить на коленях, чем умереть стоя». Вот здесь и лежит дорога к войне, потому что эти голоса не выражают нашего мнения. И вы, и я знаем и не верим, что жизнь может быть столь дорогой, а мир таким желанным, чтобы получить их ценой цепей и рабства. Когда возникли мысли о том, что нет ничего, за что стоило бы умереть, – только ли перед лицом этого врага? Или Моисей должен был сказать детям израилевым, чтобы они жили в рабстве у фараонов? А Христос – отказаться от креста? Мученики прошлого не были дураками, и наши доблестные герои, ценой жизни остановившие нацистов, погибли не зря! Где же в таком случае дорога к миру? Вот вам и простой ответ.

И у вас, и у меня достанет смелости сказать нашим врагам: «Есть цена, которую мы не заплатим». Есть грань, которую они не должны перейти! В этом и заключается смысл фразы Барри Голдуотера: «Мир посредством силы». Уинстон Черчилль сказал, что «судьбу человека нельзя измерить простым подсчетом. Когда в мире действуют огромные силы, мы начинаем понимать, что у нас есть душа, что мы не животные». И еще он говорил: «Есть нечто, происходящее во времени и в пространстве и за пределами времени и пространства, что, нравится нам это или нет, называется долгом». Это наша судьба. И от нас зависит, сохраним ли мы нашим детям последнюю надежду выживания человека на Земле или оставим единственную возможность – сделать последний шаг в тысячелетнюю тьму.

Об уличных беспорядках (Из речи Р. Рейгана на собрании по сбору средств в колледже Эйзенхауэра. Вашингтон, 14 октября 1969 года)

...Заканчивается второй век нашей истории. Говорят, что дни демократии сочтены, когда желудок берет верх над рассудком. Когда менее обеспеченные ощущают стремление нарушить заповедь и возжелают добра ближнего своего, более обеспеченного, они оказываются перед искушением использовать свое право голоса для немедленного удовлетворения своих желаний. И тогда равные возможности на старте становятся гарантией того, что к финишу они придут одновременно. Руководствуясь эвфемизмом «наибольшее благодействие наибольшему числу людей», мы разрушаем систему, которая только что добилась этого, и идем к управляемой экономике, связывающей свободу и делающей долги, с которыми придется расплачиваться будущим поколениям.

Студенческие волнения в Америке в 1960-е гг.

Мы знаем, что такое уличные беспорядки. Растет наркомания, особенно среди молодежи. В студенческих городках проходят демонстрации с требованием освободить учебные заведения от участия в защите страны. Мы не гуляем больше по вечерам ни за городом, ни по городским улицам, опасаясь за свою жизнь. Подростки, не достигшие и 18 лет, составляют половину тех, кто нарушает закон, а половина преступлений совершена в полубессознательном состоянии с целью добыть денег на наркотики.

Все мы обеспокоены тем, что студгородки заражены этим вирусом, и можем рассказать друг другу множество жутких и неправдоподобных историй. Не проходит и дня, чтобы в почте не оказалось очередного свидетельства бунта в студгородке – будь то прокламация «Нужно бороться с полицией» или листовка с инструкцией по применению взрывчатки.

Однажды я слушал магнитофонную запись так называемого студенческого собрания, на котором обсуждались планы разгрома студенческого городка. Давались точные инструкции о поджогах, и в результате в течение одного дня было зарегистрировано 50 пожаров в зданиях. На пленке было и такое воззвание: «Если вам придется убивать – убивайте».

Охватывает ощущение нереальности, нереальности того, что это вообще происходит, но что пугает еще больше, так это наша готовность воспринимать все как нормальный ход событий. Груднички доктора Спока выросли, что, пожалуй, мы не можем сказать о нем самом. Конечно, он приносил больше пользы, когда занимался вопросами детского питания и развития у детей привычки проситься в туалет.

В прошлом году в студенческих городках Калифорнии ущерб от поджогов и вандализма составил миллион долларов, зафиксировано три убийства. Двое молодых людей ослепли и лишились рук. В одном случае двадцатилетняя девушка забирала почту в конторе администрации колледжа, когда взорвалась бомба. В другом – молодой человек девятнадцати лет на рассвете пытался подложить бомбу – символ его злобы и ненависти.

Когда и как все это началось? Это началось тогда, когда кто-то, достаточно взрослый, чтобы понимать такие вещи, объявил, что нарушение закона в знак социального протеста не является преступлением. Начало было положено теми, кто объявил, что во имя свободы науки студенческие городки обладают правом экстерриториальности и на них не распространяются законы и правила, по которым живем мы. Начало было положено теми, кто решил, что во имя перемен и прогресса можно разрушить мудрость, накопленную человечеством на его долгом пути от болот к звездам. Достаточно просто объявить, что все моральные ограничения, все традиции – это мертвые руки, хватающие живого, и отказаться от них.

Св. Фома Аквинский предупреждал учителей, что им не следует рыть перед учениками яму, которую сами они не могут заполнить. Порождать сомнения, постоянно искать и никогда не находить – значит противостоять образованию и прогрессу. Свободное обсуждение любых проблем со всех сторон без исходных ценностей ведет к появлению поколения неинформированных болтунов. Наш долг – помочь молодым людям познать истину и свое предназначение, найти себя и определить цель.

Я говорил о тех, кто примкнул к восстанию с дубинкой в одной руке и с факелом – в другой. Предполагается, что их немного. Но волнение охватило значительное большинство молодых людей. Они предъявляют претензии, и претензии справедливые. Они хотят, чтобы их энергия и идеализм служили делу, в которое они верят. Они не желают стать просто цифрами в памяти компьютера на своего рода фабрике дипломированных специалистов, где их лишают индивидуальности и каждые четыре года выбрасывают с конвейера с клеймом «образованный»... При этом никто толком не знает, кто они и что делали все эти четыре года. Эти молодые люди хотят пересмотра приоритетов, чтобы самым важным было обучение, а только потом соображения типа «опубликуйся или исчезни» и научная работа.

Быть может, беспокойство и бунт – на самом деле вопль о помощи? Тем более резкий, что его никто не слышит.

Однажды я выступал в огромном актовом зале одного из университетов на Среднем Западе. В огромном амфитеатре собралось около четырех тысяч жителей города и десять тысяч студентов. Подошло время задавать вопросы, и один из вопросов, заданный взрослым человеком, касался проблемы бунта молодых против принципов и норм, которые мы пытаемся передать молодежи.

Я чуть не ответил вопросом на вопрос, потому что не был уверен, что знаю ответ. Но потом я предположил, что, быть может, молодежь выступает не против наших норм, а просто считает, что мы сами не живем по нормам, которым пытаемся научить их. Наступила мертвая тишина, а потом все десять тысяч студентов вскочили, и меня оглушил рев, которого я не забуду никогда.

Потеряли они веру в наши нормы или они потеряли веру в нас? Сомневаются ли они в нашем желании осуществлять то, что мы проповедуем? Где мы были, когда Господа бога выгнали из аудитории?

За прошлый год банки и финансовые учреждения потеряли 117 миллионов долларов. Их не грабили бандиты, просто служащие крали по мелочи. Розничная торговля теряет по четыре миллиарда долларов в год на том, что по негласному правилу сотрудники растаскивают образцы товаров.

А что мы делаем, когда подросток приходит домой с тренировки и рассказывает, как он научился безнаказанно делать запрещенный в блоке захват? Сколько раз наши дети видели, как мы, убедившись, что рядом нет полицейского, перебежали улицу на красный свет? Как сказал один деревенский священник: «Тот, кто оставил ворота открытыми, виновен лишь немногим больше того, кто видел, что они открыты, и не закрыл».

Быть может, то, что пугает и волнует нас, начинается с нас самих? С медленной, незаметной коррозии наших моральных устоев? Быть может, это мы – потерянное поколение?... Никакое правительство, ни на каком уровне и ни за какую цену не сможет содержать столько полиции, чтобы хватило на обеспечение нашей безопасности и свободы, если подавляющее большинство из нас не будет руководствоваться внутренними моральными принципами.

О бюрократической бессмыслице (Из выступлений Р. Рейгана на общенациональных радиопередачах)

Любому, кто страдал от бюрократической бессмыслицы – от заполнения бланков, соблюдения бессмысленных инструкций, должен понравиться один из мэров Техаса.

Мэр Мидленда, штат Техас, Эрнст Анджело следит за тем, чтобы Мидленд никогда не страдал от проблем, которые имеются в Нью-Йорке. Собственно говоря, Нью-Йорк тоже не страдал бы от проблем Нью-Йорка, если бы в течение последних 20 лет в городском собрании было хоть несколько человек типа Эрни Анджело.

Как бывший губернатор могу подтвердить, что крючкотворы с Потомака замучили своими нелепыми требованиями все органы управления в штатах и на местах. И я знаю, что многие из моих слушателей, работающих в промышленности или в сельском хозяйстве, могут рассказать жуткие истории о многих часах, затраченных на заполнение правительственных бумажек, о требованиях выполнять бессмысленные инструкции. Но давайте послушаем. Вам понравится месть, которую придумал мэр из Мидленда.

Мэр Анджело пробивался сквозь бюрократические джунгли, созданные канцелярскими крючкотворами в министерстве жилищного строительства и городского развития, чтобы получить для своего города давно положенные ему федеральные средства. Восемь

месяцев он занимался выматывающей канцелярской работой, заполнял бесконечные анкеты в двух, трех, четырех экземплярах, прежде чем вырвался, наконец, на свет божий.

И вот однажды региональное представительство министерства жилищного строительства и городского развития обратилось с просьбой закрепить за ним стоянку для машины в муниципальном аэропорту Мидленда. Мэр Анджело с удовольствием выполнил бы просьбу, если бы министерство выполнило некоторые требования.

Он направил письмо в далласское региональное представительство министерства, а копии – президенту, министру Карле Хиллс и еще нескольким чиновникам в Вашингтоне. В письме он требовал три подписанных и тринадцать заверенных экземпляров прошения. В письме также говорилось: «Сообщите марку и модель автомашины, которую предполагается парковать на этом месте, а также заверенное свидетельство того, что все затраты, связанные с ее производством, обслуживанием и использованием, были оплачены в соответствии с требованиями закона Дэвиса – Бэкона.

Предоставьте также сведения о национальной принадлежности каждого, кто будет пользоваться названной автомашиной, и обеспечьте, чтобы среди пользователей были в равной мере представлены белые, чернокожие жители Америки и другие нацменьшинства, а также женщины и люди преклонного возраста.

Предоставьте также заверенные гарантии того, что все, кто будет управлять упомянутой автомашиной, а также все работники заправочных станций, обслуживающие ее, будут носить ботинки со стальными набойками, защитные очки и каски, и что машина будет оборудована ремнями безопасности и надувными подушками в соответствии с законом об охране здоровья и безопасности на предприятиях.

Предоставьте свидетельства об экологической безопасности...»

Пожалуй, достаточно, вы все поняли. В письме было еще несколько абзацев, где перечислялись все изобретения крючоктворцов (столь дорогие сердцу тех, кто трудится на берегах Потомака), соблюдение которых требовалось для благоприятного решения вопроса о выделении закреплённой стоянки.

Письмо заканчивалось припиской, в которой мэр Анджело заявлял, что они могут получить стоянку, и, не соблюдая всех перечисленных выше бюрократических требований.

Я надеюсь, он своего добился, потому что, по данным Главного управления счетов в Вашингтоне, потери, вызванные соблюдением всех инструкций, составляют 60 миллиардов долларов в год. Федеральная торговая комиссия называет сумму в 80 миллиардов. Наиболее близкой к истине представляется сумма в 130 миллиардов, которую сообщил Экономический совет при президенте. Это составляет две тысячи долларов на семью.

Мы – народ, которому служит правительство, не наоборот (Из речи Р. Рейгана при вступлении на пост президента. Вашингтон, 20 января 1981 года)

...В своем движении вперед Соединенные Штаты столкнулись с серьезнейшими экономическими трудностями. Мы переживаем самый продолжительный в нашей истории период инфляции, которая держится на небывало высоком уровне. Она срывает наши экономические решения, подрывает благосостояние, сводит на нет усилия как молодых, только начинающих свой трудовой путь, так и престарелых, не имеющих дополнительных доходов. Она угрожает благополучию миллионов наших людей.

Безработные в Америке

Бездействующие предприятия – это безработица, несчастья, личные беды. А работающие не получают справедливого вознаграждения за свой труд, так как существующая налоговая система не стимулирует стремления к успеху и повышения продуктивности труда.

При всей своей тяжести налоговое обложение не поспевает за темпами расходов на социальные нужды. Из десятилетия в десятилетие мы накапливали дефицит, закладывая под проценты наше будущее и будущее наших детей ради временных удобств. Продолжать эту порочную практику означало бы вызвать социальные, культурные, политические и экономические сдвиги.

Как частные лица, вы и я можем, беря деньги в долг, жить не по средствам, но только ограниченное время. Почему же тогда мы считаем, что для страны подобных ограничений не существует? Чтобы сохранить наше завтра, мы должны действовать уже сейчас. И пусть не будет никаких заблуждений на этот счет: мы начнем действовать сегодня же.

Экономические невзгоды, от которых мы страдаем сейчас, накапливались на протяжении нескольких десятилетий. От них не избавиться за несколько дней, недель или месяцев. Но мы от них избавимся, потому что мы, американцы, в состоянии, как об этом свидетельствует прошлое, мобилизовать все свои силы и сделать все, чтобы защитить нашу страну – величайший бастион свободы.

В условиях нынешнего кризиса правительство не решает проблем, оно их создает. Время от времени у нас появляется искушение считать, что современное общество стало слишком сложным для самоуправления и что правительство, составленное из представителей элиты, лучше, чем правительство народа, действующее в интересах и от имени народа. Но, если никто из нас не может управлять собой, кто тогда сможет управлять другими? Мы все – и члены правительства, и простые люди – должны взять на себя бремя решений. Принимаемые нами решения должны быть справедливыми, чтобы ни одной группе населения не пришлось расплачиваться за других.

Нам часто приходится слышать о групповых интересах. Ну что ж, в первую очередь нам придется позаботиться о той группе, которая слишком долго пребывала в забвении. Эта группа не знает фракций или этнических и расовых разграничений, а ее представителей можно видеть в рядах всех политических партий. Она состоит из мужчин и женщин, которые выращивают продукты для нашего стола, охраняют общественный порядок, работают на шахтах и заводах, учат наших детей, ведут домашнее хозяйство, лечат нас. В эту группу входят специалисты, промышленники, продавцы, служащие, таксисты, водители грузовых машин. Это они – народ. Это они – американцы.

Задача моей администрации будет состоять в создании здоровой, сильной и динамичной экономики, которая предоставит равные возможности всем нашим гражданам, свободным от ограничений, порожденных нетерпимостью или расизмом. Чтобы Америка снова принялась за работу, мы должны предложить ее всем американцам. Покончить с инфляцией означает освободить всех американцев от тирании растущих цен. Все должны принять уча-

стие в продуктивном труде под знаком «нового начала», и все должны получить свою долю плодов восстановленной экономики. Идеи справедливости, которые лежат в основе нашей системы и служат залогом нашей силы, помогут нам сделать Америку сильной и процветающей, живущей в мире с самой собой и с другими странами.

Давайте посмотрим, что у нас есть. Мы – народ, которому служит правительство, не наоборот. Именно это отличает нас от многих других стран. Наше правительство имеет только те полномочия, которыми его наделил народ. Пора остановить и обратить вспять рост правительственного аппарата, который, по всей видимости, вышел за пределы, установленные с согласия управляемых.

Я намерен ограничить размеры и степень влияния федерального правительства и потребовать признания различий между его полномочиями и полномочиями, оставленными за правительствами штатов или народом. Мы все должны помнить, что не федеральное правительство создало штаты, а наоборот, штаты создали федеральное правительство.

Поймите меня правильно: я не собираюсь обходиться без правительства. Я просто хочу побудить его работать с нами, а не через нашу голову, помогать нам, а не сидеть на нашей шее. Правительство может и должно создавать возможности, а не подавлять их, способствовать развитию производства, а не тормозить его.

Ответ на вопрос, почему мы на протяжении многих лет добивались столь многого и процветали так, как ни одна страна в мире, ясен: потому что в нашей стране мы обеспечили невиданный до сих пор простор для проявления энергии и творчества человека. Свобода и достоинство личности в нашей стране стали всеобщим достоянием и получили гарантии, которых не найти ни в одной другой стране. Иногда эта свобода доставалась высокой ценой, но мы никогда не отказывались платить за нее.

Не случайно наши нынешние затруднения соответствуют и прямо пропорциональны степени вторжения в нашу жизнь бесполезных и гипертрофированных правительственных органов. Нам пора осознать, что великой нации присущи великие стремления. Мы не обречены, как это кое-кому кажется, на неизбежный упадок. Я не верю в судьбу, которая постигнет нас независимо от наших усилий. Я верю в то, что может произойти, если мы будем сидеть сложа руки. Давайте же, используя нашу творческую энергию, откроем эру национального обновления. Давайте возродим нашу целеустремленность, нашу отвагу и нашу силу. Давайте возродим нашу веру и наши надежды.

Мы имеем полное право мечтать о героических деяниях. Те, кто утверждает, что в наше время для героев места нет, просто не знают, где их искать. Вы можете видеть их каждый день у заводских ворот. Благодаря героическим усилиям наших немногочисленных фермеров мы производим столько продовольствия, что его хватает не только на всех нас, но и на весь мир. Вы видите героев у магазинных прилавков – с обеих сторон. Наши герои – это уверенные

в собственных силах и в своих идеях предприниматели, которые создают новые рабочие места, открывают новые возможности. Это – простые люди и их семьи, чьи налоги поддерживают правительство, чьи добровольные пожертвования поддерживают церковь, благотворительность, культуру, искусство и образование. Их патриотизм глубок и обходится без громких фраз. Их духовные ценности лежат в основе нашей нации.

Отдавая должное героям, я говорил о них в третьем лице, но мог бы говорить и во втором, потому что герои – это вы, граждане нашей благословенной страны. Ваши мечты, ваши надежды, ваши цели будут мечтами, надеждами и целями этой администрации. Да поможет мне в этом Бог.

Мы никогда не забудем о сострадании – этой важной черте американского характера. Нельзя любить страну, не любя ее народ, а любить людей означает помогать им в трудный

момент, облегчать их страдания, делать все, чтобы они были экономически независимы и по-настоящему равноправными.

Сможем ли мы решить стоящие перед нами проблемы? Ответом должно быть недвусмысленное и решительное «да!». Перефразируя Уинстона Черчилля, я скажу, что принял эту присягу не для того, чтобы возглавить разрушение самой мощной экономики в мире.

В ближайшие дни я предложу устранить барьеры, которые замедлили развитие экономики и снизили производительность труда. Мы примем меры, чтобы восстановить равновесие между различными уровнями власти. Наше движение вперед может оказаться медленным и измеряться в дюймах и футах, а не в милях, но это будет прогресс. Пора пробудить наш индустриальный гигант, заставить наше правительство жить по средствам и облегчить бремя налогов. Это наши первоочередные задачи, и, решая их, мы не пойдем на компромиссы.

На заре нашей борьбы за независимость президент Массачусетского конгресса доктор Джозеф Уоррен, которого можно считать одним из выдающихся деятелей среди отцов-основателей, сказал своим соотечественникам: «Наша страна в опасности, но мы не должны отчаиваться... В ваших руках судьба Америки. Вы должны принять важные решения, от которых зависят счастье и свобода миллионов, даже еще не появившихся на свет. Не роняйте своего достоинства».

Я убежден, что сегодня американцы готовы действовать согласно понятиям о собственном достоинстве, готовы сделать все необходимое, чтобы обеспечить счастье и свободу для себя, для своих детей и внуков. По мере обновления нашей страны ее растущее могущество будет все более заметно во всем мире. Мы вновь станем символом свободы и светочем надежды для тех, кто еще не обрел свободы.

С нашими соседями и союзниками, которые разделяют нашу свободу, мы укрепим исторически сложившиеся связи, заверив их в нашей твердой поддержке и соблюдении принятых обязательств. На верность мы ответим верностью. Мы будем развивать взаимовыгодные отношения. Мы не станем использовать наши дружественные отношения в ущерб суверенитету наших партнеров, так как и наш суверенитет не предмет торговли.

Мы предупреждаем врагов свободы, наших потенциальных противников, что защита мира – самое высокое стремление американского народа. Ради мира мы готовы вести переговоры и идти на жертвы, но не капитулировать – ни сейчас, ни в будущем. Наше нежелание вступать в конфликты не означает недостатка воли. Когда в интересах нашей национальной безопасности потребуются решительные действия, мы не станем долго раздумывать. Мы будем поддерживать достаточную мощь, чтобы победить, когда это будет необходимо, так как знаем, что в этом случае у нас будет больше возможностей никогда не прибегать к силе.

Но, прежде всего, мы должны помнить, что никакой арсенал, никакое оружие в мире несравнимы с волей и моральной силой свободных людей. Этого оружия у наших соперников в современном мире нет. Оно есть у нас, американцев. Пусть это хорошо поймут те, кто практикует террор и готов напасть на своих соседей.

Мне сказали, что сегодня по всей стране сотни тысяч людей возносят молитвы, и я глубоко признателен американцам за это. Мы – народ, живущий под Богом, и я уверен, что Бог помог нам стать свободными...

Обращение к нации об экономике (Вашингтон, 5 февраля 1981 года)

Сегодня я хотел бы рассказать вам о положении в нашей экономике. К сожалению, вынужден констатировать, что экономическая ситуация хуже, чем за все годы после Великой депрессии.

Несколько дней назад по моей просьбе мне представили доклад, всеобъемлющую ревизию, если можно так выразиться, нашего экономического положения. Вам бы она не понравилась. Мне тоже не понравилась. Но мы должны взглянуть правде в лицо и приняться за работу, чтобы изменить положение. И не сомневайтесь, мы можем все повернуть к лучшему.

Я не собираюсь жонглировать перед вами схемами, цифрами и употреблять экономический жаргон, чем набит этот отчет. Я постараюсь объяснить, где мы находимся, как мы в это положение попали и, как мы можем выбраться из него. Вначале, однако, позвольте мне привести несколько фактов, чтобы привлечь ваше внимание.

Федеральный бюджет вышел из-под контроля, и в этом бюджетном году, который заканчивается 30 сентября, мы имеем дефицит почти в 80 миллиардов долларов. Надо сказать, что 80 миллиардов долларов мы выплатим в этом году только в виде процентов по национальному долгу, что превышает весь федеральный бюджет 1957 года.

20 лет назад, в 1960 году, на оплату федерального правительства ушло 13 миллиардов. Сегодня на эти цели расходуется 75 миллиардов. За эти 20 лет население нашей страны увеличилось всего на 23,3 %, а федеральный бюджет подскочил на 528 %.

Инфляция – это не просто рост цен, это снижение стоимости денег

Уже два года, как рост инфляции выражается двузначными числами – 13,3 % в 1979 году и 12,4 % – в прошлом. В последний раз такое было в годы Первой мировой войны.

В 1960 году по закладным брали в среднем 6 %. Сейчас – в два с половиной раза больше – 15,4 %.

По сравнению с 1960 годом почти удвоилась доля вашего заработка, которую федеральное правительство присваивает в виде налогов.

И наконец, семь миллионов американцев переживают унижение и трагедию безработицы. Если они встанут в очередь, по человеку на каждые три фута, то цепочка эта протянется от берегов штата Мэн до Калифорнийского побережья.

Отложим в сторону отчет. Теперь позвольте попытаться изложить все это с помощью более понятных каждому фактов. Есть доллар, каким вы его заработали, истратили или отложили в 1960 году. И вот теперь он стоит 36 центов. А если мировая инфляция будет продолжаться сегодняшними темпами еще три года, то сегодняшний доллар будет стоить по ценам 1960 года всего 25 центов. Какой смысл делать сбережения? А если их не делать, откуда у торговли и промышленности возьмется источник капитальных вложений на расширение производства? Рабочие в Японии и Западной Германии откладывают в несколько раз большую часть своих доходов, чем американцы.

Что случилось с мечтой каждого американца иметь собственный дом? Всего 10 лет назад американская семья могла купить дом, и ежемесячная плата составляла чуть больше 27 центов – с доллара дохода. Сегодня на оплату дома уходит 42 цента с каждого заработанного доллара. Таким образом, купить новый дом может себе позволить меньше чем каждая одиннадцатая семья.

В результате введения в действие инструкций, принятых правительством из лучших побуждений, цена автомобиля поднялась на 666 долларов. Если подсчитать последствия

принятия всех инструкций в отношении владельцев магазинов, фермеров и ведущих отраслей промышленности, то в результате стоимость товаров и услуг поднялась более чем на 100 миллиардов долларов. А еще 20 миллиардов правительство расходует на обработку бумаг, порожденных этими инструкциями.

Я уверен, вы понимаете, полученный мною отчет ясно показывает, что причиной наших экономических несчастий является политика, проводимая правительством в течение последних десятилетий. Мы забыли или просто просмотрели, что правительство, любое правительство, имеет тенденцию к численному увеличению. Больше того, мы все ждали от правительства благодеяний, как будто у правительства есть иные источники поступлений, кроме наших доходов. По большей части предложения, о которых думали мы, или которые выдвигались правительством, казались привлекательными.

В послевоенные годы, по крайней мере, в течение некоторого времени, можно было позволить себе не замечать, что стоит на ценниках. Наши доходы более чем удвоились за 25 послевоенных лет. За эти годы наш чистый заработок увеличился больше, чем за все 150 лет, вместе взятые. Инфляция, конечно, была – один или полтора процента в год. Нас это не трогало. Но если мы оглянемся сейчас назад, то вспомним, что даже и в те золотые годы были люди, предупреждавшие, что инфляция, как радиоактивность, имеет свойство накапливаться и, начавшись однажды, может выйти из-под контроля.

Некоторые правительственные программы казались нам настолько важными, что мы не задумывались, когда брали под них займы. К 1960 году национальный долг составлял 284 миллиарда долларов. В 1971 году конгресс решил установить 400-миллиардный потолок на сумму задолженности. Сейчас долг составляет 934 миллиарда. Так называемые временные повышения этого потолка производились за последние 10 лет 21 раз, и сейчас я был вынужден вновь попросить поднять потолок, поскольку в противном случае правительство после середины февраля работать не сможет, а я здесь всего 16 дней. Прежде чем настанет день, когда мы сумеем снизить долговой потолок, национальный долг может, несмотря на все наши усилия, превысить триллион долларов. Это такая сумма, которую даже представить невозможно.

Теперь мы знаем, что рост дефицита привел к инфляции. У правительства есть всего два способа получить деньги, не считая увеличения налогов. Оно может выйти на рынок и занять деньги, как оно и поступило, конкурируя со своими собственными гражданами и увеличивая тем самым процентные ставки, или правительство может печатать деньги, что также было сделано. Оба пути ведут к инфляции.

Мы – жертвы языка. Само слово «инфляция» мы понимаем просто как повышение цен. Потом мы, конечно, возмущаемся теми, кто наклеивает новые ценники, забывая, что они сами тоже жертвы инфляции. Инфляция – это не просто рост цен, это снижение стоимости наших денег. Когда количество денег увеличивается, а количество предлагаемых товаров и услуг не растет, у нас образуется слишком много денег, гоняющихся за слишком малым количеством товара. Обычно войны сопровождаются инфляцией. Все либо сражаются, либо работают, но производят оружие и боеприпасы вместо товаров, которые можно купить для собственного потребления.

Так вот, одним из выходов является увеличение налогов, чтобы правительство не было вынуждено занимать или печатать деньги. Но за все эти годы численного увеличения правительства мы достигли, даже перешли ту грань, где кончается терпение людей и их способность мириться с усилением налогового гнета. Перед Второй мировой войной налоги были такими, что нам приходилось работать чуть больше месяца в год, чтобы оплатить все налоги, взимаемые федеральным правительством, правительствами штатов и местными органами власти. Сегодня мы должны работать на это четыре месяца.

Некоторые предлагают переложить налоговый гнет на плечи предпринимателей и промышленности. Но фактически предприниматели не платят налогов. Поймите меня правильно. С предпринимателей действительно налоги берут, причем столько, что нас начинают выживать с мирового рынка. Но предприниматели переносят стоимость своих услуг – а сюда входят и налоги – на цену товара, который приобретает потребитель. Только народ платит налоги, все налоги. Правительство просто использует предпринимательство в качестве хитрого способа собрать эти налоги. Они запряваны в цены, мы даже не подозреваем, сколько мы на самом деле платим в качестве налога.

Сегодня у нашего с вами некогда великого промышленного гиганта самые низкие темпы роста производительности труда среди практически всех развитых промышленных стран, с которыми мы конкурируем на мировом рынке. Мы даже не можем отстоять свой собственный внутренний рынок от потока иностранных автомобилей, стали и некоторых других товаров. В Японии производится автомобилей в расчете на одного работающего почти в два раза больше, чем в Америке. Японские металлурги производят стали почти на 25 % больше своих американских коллег.

Конечно, это происходит не потому, что они лучше работают. Никто в мире, по-моему, не сравнится с американскими рабочими. Но мы должны обеспечить их теми инструментами и оборудованием, которые имеют рабочие в других развитых странах.

Мы изобрели сборочный конвейер и массовое производство, но грабительская налоговая политика и многочисленные бесполезные инструкции вкупе с правительственными займами ограничили нашу способность совершенствовать производство и оборудование. Очень часто капитальные вложения расходуются на непроизводительные доработки, которые предписываются различными правительственными инструкциями. Чрезмерное индивидуальное налогообложение лишило нас инициативы и сделало сверхурочные невыгодными.

Когда-то мы производили 40 % мировой стали. Сейчас наша доля составляет 19 %. Когда-то мы были крупнейшими производителями автомобилей и выпускали их больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые. Теперь это в прошлом, более того, «большая тройка», ведущие наши автомобильные компании, понесла в прошлом году колоссальные убытки и была вынуждена уволить тысячи рабочих.

Все, кто работает, знают, что даже с доплатами на рост цен угнаться за инфляцией невозможно. При нашей прогрессивной налоговой системе по мере увеличения количества заработанных долларов вы перемещаетесь вверх в налоговой таблице и платите все больший налог, просто пытаясь получить свое. Результат? Падает уровень жизни.

На протяжении последних десятилетий мы говорили об ограничении правительственных расходов, чтобы затем облегчить налоговый гнет. Иногда мы вплотную подходили к этому, но всегда находился кто-нибудь, кто говорил, что нельзя снизить налоги, не сократив расходы. Мы можем до хрипоты рассказывать детям о вреде излишеств. Но мы можем излечить их от стремления к излишествах, только давая меньше на карманные расходы.

Пора признать, что мы подошли к поворотному рубежу. Нам угрожает экономическая катастрофа огромного масштаба, и обычными методами нам ее не избежать. Мы должны вместе выработать иной курс.

Мы должны увеличить производительность труда. Это означает дать промышленности возможность модернизировать производство, воспользовавшись технологическими новинками, которые мы сами же изобрели. Это означает вернуть американцам рабочие места. А это, в свою очередь, прежде всего, означает привести правительственные расходы в соответствие с правительственными поступлениями. Это единственный способ, вместе с ростом производительности, который позволит нам сократить и, да, да, остановить инфляцию.

В прошлом мы пытались в течение одного года бороться с инфляцией, а на следующий год, по мере роста безработицы, начинали бороться с безработицей, и эта борьба вследствие

увеличения дотаций вела к росту дефицита. Теперь опять вверх пошла инфляция. Не сработало. Мы не должны выбирать между инфляцией и безработицей – они идут рука об руку. Настало время попробовать что-нибудь другое, и именно этим мы собираемся заняться.

Я уже заморозил ставки, образовавшиеся после ухода на пенсию и увольнения государственных служащих. Я распорядился уменьшить количество командировок государственных служащих и число консультантов правительства, а также сократить закупки канцелярского оборудования и другие статьи расхода. Я заморозил рассмотрение новых инструкций и создал группу экспертов, которая под руководством вице-президента Буша должна будет проанализировать все эти инструкции и избавиться от возможно большего их числа. Я снял контроль с нефтедобычи, что должно привести к росту ее добычи у нас в стране и к снижению нашей зависимости от импорта. И этот неэффективный Совет заработной платы и стабильности цен будет ликвидирован.

Но задача стоит шире, значительно шире. Мы должны сознавать, что быстрого излечения не будет. В то же время мы не можем откладывать осуществление экономической программы, нацеленной, с одной стороны, на снижение налоговых ставок и стимулирование роста производительности, а с другой – на приостановку роста правительственных расходов и на снижение безработицы и инфляции.

18 февраля я представлю конгрессу детальную экономическую программу, в которой будет отражено все, о чем я сейчас говорил. В ней предлагается сокращение бюджетов практически всех правительственных учреждений. Я считаю, что это сокращение бюджета будет только частью экономии. Когда наши министры придут в свои учреждения, они попытаются определить участки, где есть утечка средств, наличие излишеств, дорогостоящих накладных расходов, и это позволит провести дополнительное существенное сокращение бюджета.

Но, реализуя эту программу, мы должны продолжать работу и по программе снижения налогов. Я буду просить о 10-процентном сокращении всех индивидуальных налогов на каждый из последующих трех лет. Будут также представлены предложения об увеличении инвестиционных налоговых скидок предпринимателям, чтобы обеспечить накопление необходимого капитала для создания новых рабочих мест.

Что случилось с мечтой каждого американца иметь собственный дом?

Вот я говорю это и чувствую, что язык, как я уже раньше сказал, может помешать точному пониманию того, на что нацелена наша программа. Сокращение бюджета может быть понято, как наше намерение снизить общую сумму правительственных расходов до более низкого, чем в прошлом году, уровня. Но это не так. Бюджет будет расти с ростом населения, и каждый год расходы будут увеличиваться в соответствии с увеличением населения. Поступления в государственную казну будут расти по мере развития экономики, но каждый отдельный гражданин будет платить меньше, поскольку экономическая база расширится за счет снижения ставок...

Сокращение расходов мы произведем не за счет тех, кто действительно нуждается. Напротив, мы стремимся к лишению привилегий тех, кто ими пользуется без достаточных на то оснований.

В целом наша система отличается стабильностью. Мы можем проявить сострадание и выполнить наши обязательства перед теми, кто не по своей вине нуждается в помощи. Мы можем в полном объеме обеспечить выполнение и других оправданных обязательств правительства. Мы не можем далее продолжать расточительную политику за счет трудящихся нашей страны и наших детей.

С 1960 года наше правительство израсходовало 5,1 триллиона долларов. Наш долг вырос на 648 миллиардов. Цены подскочили на 178 %. Стали ли мы богаче? Нет, все мы знаем, что стали беднее.

Если мы подсчитаем сейчас, насколько сильно эти годы инфляции, низкой производительности труда и неконтролируемого разбухания правительственного аппарата отразились на нашей жизни, мы поймем, что пора действовать, и действовать сейчас. Мы не должны робеть. Мы восстановим право всех людей на свободное развитие и творчество. Мы освободим энергию и гений американского народа, качества, которые нас никогда не подводили.

Я прошу своих коллег в исполнительных органах правительства и всех государственных служащих работать в духе служения народу.

Я призываю предпринимателей и рабочих, которыми Америка по праву гордится, руководствоваться интересами страны, и, уверен, они откликнутся на мой призыв. Мы служим в интересах всего народа, и только в интересах народа.

Мы можем создать стимулы для более полного использования преимуществ нашей замечательной экономической системы, системы, о которой Уолтер Липпман более 40 лет назад сказал, что она впервые в истории дала человеку «возможность создать такое благополучие, при котором благосостояние других приумножает благосостояние каждого».

Наша цель – увеличить благосостояние страны, с тем, чтобы все больше получили, а не перераспределяли уже имеющееся, что стало бы просто дележом дефицита. Заставив правительство жить по средствам, мы сможем вознаградить упорный труд и риск граждан.

За многие годы мы позволили вредному экономическому влиянию выйти из-под контроля. Мы отсрочили судный день, но больше нам это не удастся. У нас просто нет времени.

Я обращаюсь к вам, сограждане. Давайте объединимся в новом стремлении перестроить основы нашего общества, давайте работать вместе и проявлять ответственность. Давайте подойдем с чувством глубокого уважения к тому, что должно быть сохранено, и с пониманием и сочувствием к тем, кто нуждается в защите.

Мы можем оставить нашим детям разрушенную экономику и огромные долги, которые они не смогут погасить, или же мы можем сохранить для них свободу на Земле, где каждый имеет возможность достичь то, что предназначал ему Господь. Все, что нужно для этого – немного здравого смысла и осознания своих возможностей. Вместе мы можем дать Америке новую жизнь.

Кто имеет право на забастовку (Заявление Р. Рейгана в связи с забастовкой авиационных диспетчеров. Вашингтон, 3 августа 1981 года)

Сегодня в семь утра профессиональный союз тех, кто работает в авиадиспетчерской службе Америки, объявил забастовку. Настал кульминационный момент семимесячных переговоров между Федеральным управлением авиации и профессиональным союзом. В ходе этих переговоров было достигнуто соглашение и подписан договор о повышении фонда заработной платы и поощрений на 40 миллионов долларов. Это вдвое больше того, на что

могут рассчитывать другие государственные служащие. Это было сделано, исходя из понимания всех трудностей, с которыми связана работа этих людей. Теперь, однако, союз требует в 17 раз больше того, о чем договорились ранее, – 681 миллион. Удовлетворение этого требования привело бы к совершенно неприемлемому увеличению бремени налогов, взимаемых с их сограждан.

Я хотел бы высказать слова благодарности тем инспекторам и диспетчерам, которые вышли сегодня на работу и обеспечивают безаварийную работу воздушного транспорта страны. В зоне Нью-Йорка, например, планировался выход на работу четырех инспекторов, а 17 других вышли на работу добровольно. В Национальном аэропорту один диспетчер сказал корреспонденту, что он вышел из профсоюза и приступил к работе, потому что «как я могу требовать соблюдения закона от своих детей, если не соблюдаю его сам». Это – пример честного служения Америке.

Позвольте мне разъяснить один момент. Я признаю право на забастовку рабочих частного сектора. В конце концов, я, будучи президентом профсоюза, сам возглавлял первую в истории забастовку своего союза. Наверное, я первый из занимавших мой нынешний пост, кто всю жизнь был членом профсоюза АФТ-КПП. Но мы не можем сравнивать трудовые отношения между профсоюзами и администрацией в частном секторе и в государственных учреждениях. Правительство не может остановить сборочный конвейер. Оно должно непрерывно выполнять свои функции, обеспечивающие жизнедеятельность, для чего, собственно, и существует правительство.

Именно исходя из этого, конгресс принял закон, запрещающий забастовки государственных служащих, угрожающие безопасности людей. Позвольте мне зачитать торжественное обещание, которое дал каждый из этих служащих, присягу, которую каждый из них принял и подписал при поступлении на работу: «Я не участвую и обязуюсь не участвовать ни в каких забастовках против правительства Соединенных Штатов или любого его учреждения, пока нахожусь на службе правительства Соединенных Штатов или его учреждений». Именно поэтому я должен заявить всем, кто не вышел сегодня на работу, что они нарушили закон, и что если они не явятся на работу в течение 48 часов, то будут уволены.

О нашем величии **(Из выступления Р. Рейгана на конференции** **консервативного комитета политического** **действия. Вашингтон, 20 марта 1981 года)**

...Говорят, человек, стремящийся добиться успеха и величия, должен вначале забыть и о том, и о другом и лишь стремиться постичь истину. Остальное приложится. Что же, коллеги правдоискатели, никто из нас, собравшихся здесь, созерцающих эмблему на этой трибуне и раздумывающих о сбалансированном бюджете 1981 года, не станет возражать, что это вполне логично. Потому что, несмотря на то, как наше дело будет оценено историей, было бы только справедливо сказать: «Сплотившись, консервативное движение Америки XX века прошло через годы трудностей, отстаивая свое видение истины». История должна также признать, что наша победа была не столько политической победой, сколько победой идеи, она была не столько победой одного человека или партии, сколько победой определенных принципов, которые были сохранены несколькими бескорыстными американцами.

Вы как раз и есть те самые американцы. Я хотел прийти сюда не только для того, чтобы поблагодарить вас за то, что вы сделали для меня, не только для того, чтобы напомнить, что победа, одержанная в ноябре прошлого года, принадлежит исключительно вам, и не только для того, чтобы сказать, что приход в Вашингтон новой администрации является свидетель-

ством вашего упорства и верности нашим принципам. Я пришел сюда, чтобы просто сказать вам «спасибо» и сказать это не как президент и даже не как консерватор, а как простой американец. Я говорю это, прекрасно зная, что в зале есть множество людей, чей талант позволяет при желании жить в роскоши, но кто, руководствуясь высшим сознанием долга перед страной, избрал другой путь. Я знаю также, что ни «Тайм», ни «Ньюсуик» не напишут об их бескорыстии, не останется их имен и в учебниках истории.

Знаете, такие события, как сегодняшнее, заставляют оглянуться назад, вспомнить прошлое, чтобы понять, как далеко мы ушли. В португальском языке есть специальное слово для таких воспоминаний – *saudade* – это поэтический образ, означающий «погруженный в мечты о прошлом». И наше прошлое наполнено светлыми мечтами, и в нем были поля боя, усеянные сломанными копьями.

Как можно забыть ту июльскую ночь в Сан-Франциско, когда Барри Голдуотер сказал нам, что мы должны снова повернуть поток в русло свободы «... и следить за ним до тех пор, пока не победит наше дело, которое станет примером для всего мира и укажет путь в завтра, достойное своего прошлого». И если бы не Барри Голдуотер, согласившийся в одиночку предпринять этот поход, мы не собрались бы здесь сегодня на это празднование.

Но в памяти нашей хранятся не только политические события. Помню, как небольшой, со вкусом оформленный журнал «Нэшнл ревью», основанный в 1955 году, стал объектом шуток со стороны интеллектуальной элиты за редакционную статью, в которой говорилось, что журнал встанет на пути истории с криком «Стой!». А был еще лихой вашингтонский еженедельник под названием «Хьюман ивентс», о котором многие говорили, что его нельзя принимать всерьез. Однако он вскоре стал необычайно популярным не только на Капитолийском холме, но и во всех других местах, причастных к общественной жизни.

Сколько раз, возвращаясь домой с собраний, подобных сегодняшнему, мы отбрасывали от себя мысли о том, что все делается зря, размышляя в ночной тиши, должна ли наша любимая страна пойти по пути других стран, которые утратили чувство своего высокого предназначения и стремление к свободе?

На память приходит так много людей и организаций, причастных к успеху, который мы сегодня отмечаем. Интеллектуальные лидеры, такие, как Рассел Кирк, Фридрих фон Хайек, Генри Хэзлит, Мильтон Фридман, Джеймс Бернхэм, Людвиг фон Мизес. Они во многом сформировали наше мышление.

И особенно трудно поверить, что всего 10 лет назад, холодным апрельским днем на небольшом холме на севере штата Нью-Йорк был похоронен еще один из этих великих мыслителей – Фрэнк Майер. Он проделал тот же ужасный путь, что и многие другие. Он вырвал себя из рук «Господа, потерпевшего неудачу», а затем сформулировал новую идею, представляющую собой синтез традиционного подхода и свободомыслия, синтез, который многие сейчас называют современным консерватизмом.

Именно Фрэнк Майер напомнил нам, что здоровый американский индивидуализм был частью подводного течения западной науки и культуры. Он подчеркнул необходимость уважения закона и традиций, а также социального консенсуса, который обеспечивает стабильность наших общественных и частных устоев. Он отметил, что эти цивилизованные идеи все еще движут нами даже тогда, когда мы стремимся к новому экономическому процветанию, основанному на сокращении вмешательства правительства в дела рынка.

Студенты – члены комитета за демократическую Центральную Америку – устроили марш солидарности в память об убийстве архиепископа Сан-Сальвадорского Оскара Ромеро. Фото 1984 г.

Наши цели дополняют друг друга. Мы сокращаем бюджет не просто ради совершенствования управления финансами. Это лишь первый шаг на пути возвращения власти штатам и районам, только первый шаг на пути перестройки отношений между гражданином и правительством. Мы можем заставить правительство вновь нести ответственность перед народом, сокращая его аппарат и ограничивая сферы деятельности, добиваясь, чтобы оно эффективно и честно выполняло определенные ему законом функции.

Поскольку мы имеем последовательную теорию того, как правительство должно работать, мы можем очень ясно все изложить: у нас нет отдельной социальной, отдельной экономической и отдельной внешнеполитической программы. У нас есть одна программа. Мы стремимся как к наведению порядка в нашем финансовом доме и к перестройке национальной обороны, так и к защите будущих поколений, к прекращению одурачивания школьников плановиками-утопистами. Мы призываем разрешить религиозное обучение в школьных классах так же, как мы разрешили это во всех других местах.

Мы, конечно же, не сможем осуществить все это одновременно. Американский народ терпелив. Я уверен, что он понимает, что ошибки, которые делались на протяжении десятилетий, нельзя исправить в одночасье. Вы знаете, когда я еще был губернатором, то имел удовольствие выступать перед сенатской комиссией. Меня вызвали всего через несколько месяцев после того, как президент-республиканец въехал в Белый дом. Меня спросили, почему мы не успели исправить все, что к тому времени натворили другие. Единственное, что пришло мне тогда в голову, это рассказать одну историю. Много лет назад мы с Нэнси купили ранчо. Там был хлев, в котором предыдущие хозяева держали восемь коров. Мы же хотели держать лошадей. Целыми днями я ломом и лопатой вычищал пол в стойлах от многолетних напластований. (Смех.) И я объяснил сенатору, задавшему мне вопрос, что я выяснил в результате этой работы – нельзя за несколько недель или месяцев переделать то, что накопилось за 15 лет.

Мне также кажется, что если мы, консерваторы, собираемся продолжать управлять страной, то должны понять, что нам не всегда удастся так просто свалить на прошлое вину за трудности в стране... Суть дела в том, что мы должны руководить страной, а это означает не только критиковать прошлое. Вспомните, что говорил Т. С. Элиот: «Только приняв прошлое, можно изменить его значение».

Так вот, по ходу нашей политической борьбы мы пережили безразличие и часто нетерпимость, и именно поэтому я надеюсь, что нашу политическую победу запомнят за великодушные, а наше пребывание у власти – за терпимость, которую мы проявили к тем, с кем были не согласны.

Но помимо этого мы должны предложить Америке и всему миру более широкое видение. Мы должны предотвратить удушающие действия правительства в тех областях, где наносится вред. Мы должны стремиться к возрождению тех функций правительства, которые приносят пользу. Мы делаем это для того, чтобы вновь высвободить энергию и изобретательность народа Америки. Мы делаем это для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в те общественные и экономические институты, которые служат амортизатором и мостом в отношениях между личностью и государством и которые остаются реальным источником нашего прогресса как нации.

И мы должны сохранить этот образ правопослушного, милосердного, плюралистического общества, состоящего из процветающих граждан и всевозможных общественных институтов, в котором свободные и энергичные люди смогут сами с Божьей помощью определить свою судьбу.

Я понимаю, что некоторые думают сейчас о полном опасностей мире, в котором мы живем, о трудном десятилетии, в которое мы вступили, и задаются вопросом о практической ценности консервативного взгляда на мир. Во время недавнего визита премьер-министра Тэтчер мы оба говорили о неожиданных глубоких переменах, произошедших в политике наших стран.

На нашей последней официальной встрече я сказал премьер-министру, что, какую точку мира мы ни возьмем, везде культ государства умирает. И я храню в сердце надежду, что пройдет немного времени, и наши противники, проповедующие верховенство государства, останутся в памяти лишь в связи со своей печальной и несколько курьезной ролью в истории. Крупнейшая в мире страна плановой экономики вынуждена закупать за рубежом продовольствие, чтобы ее граждане не голодали.

За это столетие мы слишком часто слышали жалобные стоны тех, кто живет под гнетом тоталитарных режимов. Мы видели слишком много памятников, сооруженных не из мрамора и гранита, а из колючей проволоки и ужаса. До нас добирались люди, сумевшие выжить в этих жутких условиях, люди, своими глазами видевшие торжество человеческого духа над неприступной государственной властью, заключенные, чьи духовные ценности позволили им одержать верх над их стражами. Они принесли нам «тайну лагерей», урок для нашего времени, да и для любого другого: зло бессильно, если добро бесстрашно.

Поэтому марксистское видение человека без Бога должно рассматриваться как пустая и фальшивая вера – вторая из древнейших на Земле – после первой, которой соблазнили человека в райском саду: «И будете вы, как боги». Кризис поразил западный мир лишь настолько, насколько этот мир равнодушен к Богу – напоминает нам Уиттакер Чэмберс. «Западный мир не знает, что у него уже готово решение этой проблемы, – говорил он о нашей борьбе, – но лишь при условии, что его вера в Бога и свободу, которую Он предписывает, столь же велика, как вера коммунизма в человека».

В этом и заключается наша задача – подтвердить приверженность нашей страны закону более высокому, чем наш собственный, возродить нашу духовную силу. Только построив стену из такой духовной решимости, мы как народ обретем надежду защитить свое наследие и сделать его в будущем неотъемлемым правом всех людей.

Есть в Америке и величие, и огромное наследие идеализма, которое питает нашу силу, и добродетель. Все это – наше. Нам остается только этим воспользоваться. А поскольку у нас есть величие, сегодняшняя Америка нуждается в подтверждении нашей добродетели и в преобразовании нашего величия.

Слова и дела последних десятилетий недостаточны для дня сегодняшнего. В них не отражено будущее. Заскорузлая бюрократия со своими укоренившимися в последнее время процедурами не реагирует ни на большинство, ни на меньшинство. Мы стоим на распутье. Нам нужно принимать решение. Будем ли мы следовать вчерашним планам и повторять вче-

рашние ошибки или мы подтвердим наши идеалы и требования, укрепим нашу веру и обновим наши цели? Настало время выбора.

Именно так называлась речь, с которой я выступил в 1964 году. Я сказал тогда: «Нам много раз говорили, что мы должны выбирать между левыми и правыми». Но мы и сейчас пользуемся теми же терминами: «левые» и «правые». Я повторю то, что сказал тогда, в 1964-м: «Понятий «левый» или «правый» нет, есть понятия «вверх» или «вниз». «Вверх» – к полной свободе личности, извечной мечте человека; к полной свободе личности, согласующейся с порядками общества. «Вниз» – к тоталитаризму муравьиной кучи. И те, кто предлагает нам сегодня заплатить свободой за безопасность, какими благими намерениями они ни руководствуются, идут по пути, ведущему «вниз».

Те из нас, кто называют себя консерваторами, уже более четверти века указывают на недостатки политики нашего правительства. Теперь возможность определить политику и сменить направление движения нашей страны предоставлена нам. Все мы, работающие в правительстве – в Белом доме, в сенате, в исполнительных органах – можем теперь выступать вместе. Мы можем перекрыть течь в экономике, образованную государственным сектором. Мы можем восстановить наше национальное благосостояние. Мы можем назначить снискавших уважение судей, которые будут сознавать, что главная задача любого суда – наказывать виновных и защитить невиновных. Мы можем вернуть на свое законное место в нашем национальном сознании значение семьи, работы, добрососедских отношений, религии. Мы, наконец, можем добиться того, чтобы страны мира ясно понимали намерения Америки, ее целеустремленность в отстаивании своих идеалов.

У нас теперь есть и возможность, и необходимость доказать, что Америка готова забыть обиду, принять вызов времени и создать великое завтра.

Это преобразование и возрождение не будет осуществлено, если заниматься им будут те, кто занимается политической трескотней и раздает направо и налево пустые обещания. Это не получится у тех, кто восстанавливает одних людей против других, один класс против другого, один общественный институт против другого. Поэтому в то время, когда мы празднуем нашу недавнюю политическую победу, мы должны понимать, что впереди у нас еще много работы – мы должны обрести контроль над правительством, вознаградить личную инициативу и деловой риск, возродить нашу систему федерализма, упрочить частные учреждения, составляющие независимый сектор нашего общества, и, призвав нашу духовную убежденность, отразить нападки тех, кто отказывает человеку в праве иметь свое место перед Богом. Вероятно, это нелегкие задачи. Я уже говорил это 20 января, но еще раз хочу напомнить: нельзя сказать, что эти задачи невыполнимы, ведь мы же американцы, в конце концов.

В этом году мы будем отмечать победу, одержанную два века назад при Йорктауне, победу небольшой, только что родившейся страны над мощной мировой державой. Кто из вас знает, к примеру, что на церемонии капитуляции играл британский оркестр – у нас не было собственного. (Смех.) Они исполняли мелодию, очень популярную в то время в Англии. Называлась она «Мир перевернулся». Мне кажется, мелодия как нельзя лучше отражала тот момент, хотя музыканты этого и не осознавали. Сегодня сам облик этого города, его правительственных зданий, памятники нашим героям являются напоминанием той долгой, тяжелой борьбы.

Именно это наследие вызывает в нашем воображении образы любимой земли, земли борющихся поселенцев и одиноких эмигрантов, гигантских городов и огромных просторов, образы того, чем является наша страна сегодня, и того, какой мы хотим ее видеть. Это та Америка, которую нам вверили, мы должны стоять на страже ее интересов, защищать ее и мудро ею управлять.

Сотраждане, единомышленники-консерваторы, пришло наше время. Пробил наш час. Мы стоим плечом к плечу в самой гуще боя. Если мы выстоим и повернем колесо удачи, то будет надежда, что, пока живы люди, знающие слово «свобода» и ее защитников, нас будут помнить и будут говорить: «Вот это были смельчаки, слава им».

С нами Бог **(Из ежегодной национальной утренней** **молитвы. Вашингтон, 4 февраля 1982 года)**

...Тот, кто присутствовал здесь в прошлом году, наверное, помнит историю неизвестного автора, которую я тогда рассказал. В этой истории главному герою снилось, что он шел по пляжу вместе с Богом, а на небе возникали сцены из его жизни. Когда они дошли до конца пляжа, он обернулся и увидел, что на песке отпечатались две цепочки следов, которые время от времени соединялись вместе. Вторая цепочка следов исчезала каждый раз, когда на небе появлялось изображение какого-то испытания или переживания, выпавшего на долю главного героя. Он удивился и спросил Бога: «Ведь ты обещал, что, если я пойду за тобой, ты всегда будешь рядом, почему же ты бросал меня в трудную минуту?»

В сердце любого американца живет дух любви, дух заботы о ближнем, желание работать вместе на общее благо...

На что Бог ответил: «Любимое дитя мое, я не бросал тебя, когда ты во мне нуждался. Если ты видишь только пару следов, значит, в это время я тебя нес».

Когда я рассказывал эту историю в прошлом году, а тогда прошло всего несколько недель моего пребывания на посту президента, я думал, что много раз после меня будет лишь одна пара следов, я буду часто нуждаться в том, чтобы меня перенесли через ухабы, а если я не буду в это верить, у меня не хватит мужества сделать то, что я задумал.

Вскоре после этого настал момент, когда я понял наверняка, что Господь меня несет. С нами Бог. Мы только должны верить. Псалмопевец говорил: «Слезы могут пролиться ночью, но радость приходит утром».

Я всегда верил, что все мы и каждый из нас в отдельности появились на свет с какой-то целью, что существует какой-то план, какое-то божественное предназначение для всех нас. Теперь я знаю, что все дни, отведенные мне судьбой, принадлежат Ему.

Я верю также, что наша благословенная Земля специально оказалась в стороне от остального мира, чтобы стать родиной людей, пришедших сюда не в поисках золота, а в надежде найти Бога. Это были свободные люди, жившие по закону, с верой в своего Создателя и в свое будущее.

Иногда кажется, что мы сбились с этого достойного пути, что мы разучились различать понятия добра и зла и не знаем, как следует жить. Господь Бог, источник наших знаний, был выдворен из школьных классов. Он одарил нас величайшим даром жизни, однако многие

готовы простить убийцу, повинного в смерти своей жертвы. Мы ждем от Него защиты в трудные минуты, а сами в своей повседневной жизни отворачиваемся от Него. Возможно, Он просто ждет, когда мы проснемся.

В сердце любого американца живет дух любви, дух заботы о ближнем, желание работать вместе на общее благо. В притче о добром самарянине говорится, что он перешел дорогу, преклонил колена, перевязал раны избитого странствующего паломника и отнес его в ближайший город. Он не побежал в город на поиски члена благотворительного общества, чтобы сказать, что на дороге лежит человек, которому, вероятно, нужна помощь.

Не настало ли время всем нам проявить личное участие, позаботиться о ближнем, а церквям и синагогам восстановить наш дух добрососедской заботы друг о друге? Выступая перед этой аудиторией, я сознаю, что проповедую проповедникам. Если бы вы все работали в федеральном правительстве, вы все считались бы ответственными работниками. Сегодня вы нам нужны больше, чем когда-либо. Из ваших уст должно исходить напоминание о том, что мы должны вершить на Земле дело Божье. Мы никогда не ответим на все вопросы, не решим все проблемы, не залечим все раны, но мы можем сделать очень много, если все вместе пойдем тем единственным путем, который ведет к реальной надежде.

Я вспоминаю, как разговаривал с одним сенатором по поводу конфликта, длившегося битый год, но в котором стороны упорно продолжали настаивать на своем. Каждый из нас искренне верил в то, что отстаивал, но мы были противниками. Когда сенатор закончил говорить, он встал и сказал: «Сейчас выйду от вас и помолюсь». Я ответил: «Не удивляйтесь, если у Бога будет уже занято, это значит, что я опередил Вас». (Смех.)

Господь обещал нам, что данное нами воздастся во множестве, так давайте пойдем вперед и раздуем пламя нашей веры. Давайте поступками докажем нашу мудрость.

Завершив дела наши, скажем словами святого апостола Павла из Второго Послания к Тимофею: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил». Это и есть свидетельство сделанного.

Я надеюсь, что не только эта великая земля сохранится в веках, но сохранится и эта замечательная традиция собираться в этот день, чтобы вспомнить, какова наша истинная задача.

Благослови вас Бог.

Самый ценный подарок – быть американцем (Из рождественского радиообращения к нации, 25 декабря 1982 года)

Примите поздравления с Рождеством из Белого дома. Если бы это было возможно, мы с Нэнси были бы рады лично поблагодарить каждого из тысяч людей, которые прислали нам праздничные открытки, поздравления и послания. Каждое из них трогает, каждое рассказывает о чем-то своем – о любви, Надежде, молитве и патриотизме. И каждое делает наше Рождество еще более ярким.

Некоторые из самых трогательных посланий пришли от тех сограждан, кто в отличие от нас встречает Рождество не в кругу семьи, а вдали от друзей и любимых. Как, например, поздравления от двенадцати морских пехотинцев, которые встречают Рождество в Бейруте, помогая восстанавливать разрушенную надежду на мир в этой многострадальной стране. Я также хотел упомянуть послание от старшины с авианосца «Энтерпрайз», который просит нас, чтобы мы в этот праздничный день вспомнили его и его товарищей. «Встречать Рождество в Индийском океане совсем невесело, – пишет он, – но мы служим благому делу».

Что ж, это правильно, моряк. Вы действительно служите благому делу. В этот день, в день рождения Христа, вместе с вашими друзьями вы стоите на страже мира, которому Он нас учил. Нас разделяют тысячи миль, но для нас нет никого ближе.

Одно из наиболее понравившихся мне рождественских посланий пришло в этом году задолго до праздника. В нем говорилось о своеобразной рождественской сказке, приключившейся в октябре. Местом действия был не наш континент, а беспокойные воды Южно-Китайского моря. По-моему, в этой истории отражено то лучшее, что присуще Рождеству и американскому характеру, в ней показано, что представляет наша любимая страна не только для нас самих, но и для миллионов менее счастливых людей во всем мире.

Я благодарю господина Гэри Кемпа из Нины, штат Висконсин, за то, что он познакомил меня с письмом, которое артиллерист первого класса с авианосца «Мидуэй» Джон Муни послал своим родителям 15 октября. В нем – рождественская сказка, которая стала былью.

«Дорогие мама и папа, – пишет солдат, – сегодня мы увидели в море лодку и оказали помощь. Там было шестьдесят пять вьетнамских беженцев. Почти два часа мы их поднимали на борт, потом их проверила служба безопасности, осмотрели врачи, одели и накормили.

Сейчас они отдыхают на самолетной палубе, а дети (похоже, что это в основном дети) сидят перед телевизором, который они, пожалуй, видят впервые в жизни, и смотрят «Звездные войны». Когда мы их подобрали, их лодка тонула. Они провели в океане пять дней, и пресная вода у них кончилась. Еще через пару дней ребяташки оказались бы на грани смерти.

Мне кажется, что время от времени нам нужна подобная встряска, чтобы осознать, как важно то, что мы делаем. Я хочу сказать, что родителям этих ребят потребовалась отчаянная смелость, чтобы выйти в море в дырявой лодке, полагаясь только на то, что кто-нибудь их подберет. Так рисковать! Но совершенно ясно, что они предпочли этот риск риску остаться жить в коммунистической стране.

Со всеми нашими проблемами в этом году, с подскочившими ценами на бензин, с невозможностью купить новую машину или обеспечить себя другими необходимыми человеку вещами... я что-то не видел дырявых лодок, которые выходили бы из Сан-Диего в надежде, что их подберет русский корабль...

По мере того как их лодка приближалась к кораблю, они махали руками и кричали, как бы пытаясь сказать: «Привет, американские матросы! Привет, люди свободы!» Трудно, увидев такую вот лодку, полную людей, не ощутить, как комок подкатывает к горлу. Ты гордишься и радуешься, что ты американец. Наши ребята махали в ответ, кричали, сглатывали слезы и старались, чтобы другие не видели их неожиданно повлажневших глаз. Стоявший рядом лейтенант сказал: «Да, на самом деле сегодня день расплаты». (Нам сегодня выдали зарплату.) Мне кажется, никто не мог бы сказать лучше.

Эта сцена напомнила нам всем, что Америка всегда была местом, где человек может найти свободу. Да, конечно, нас много, и у нас безработица, и беженцы для нас обуза, но я искренне надеюсь и молюсь о том, что мы найдем для них место. У нас уникальное общество. Оно состоит из людей, которые стали изгоями в результате мировых войн и преследований угнетателей. Тем не менее, мы стали мощной и свободной страной. У нас есть одна общая черта – мы все верим в свободу, независимо от того, откуда родом наши предки.

Я надеюсь, что у нас всегда найдется место еще для одного афганца, поляка или человека другой национальности, который ищет, где ему жить... чтобы не бояться, что семья его будет голодать или что ночью к нему в дверь постучат... и где все люди, искренне стремящиеся к свободе, к уважению, к процветанию, к возрождению чувства собственного достоинства, могут... наконец осуществить свои мечты, дать образование своим детям, чтобы в следующем поколении были врачи, адвокаты, строители, солдаты и моряки. Целую, Джон».

Я думаю, в этом письме все сказано. Действительно, мы, американцы, получили уникальный дар, мы получили нашу страну. В ней наш дух, своеобразный рождественский дух, который мы ощущаем круглый год и который делает ее маяком надежды в бурном мире. Нынешнее Рождество и каждое следующее Рождество становится еще более радостным для всех, кто одарен самым ценным подарком – быть американцем...

«Народ Америки заражен идеалами демократии» (Из выступления Р. Рейгана по случаю дня рождения Мартина Лютера Кинга. Вашингтон, 15 января 1983 года)

Добро пожаловать в Белый дом в этот торжественный день! Несколько часов назад выступая по радио, я говорил о личности доктора Кинга, о его вкладе. Позвольте мне теперь сказать несколько более личных вещей о человеке, который разрушил стену расизма в этой стране. Хотя наши с доктором Кингом политические воззрения и не были абсолютно схожими, мы оба глубоко верили в свободу и справедливость в мире Божьем.

Свободу нельзя завоевать однажды и навсегда, мы должны каждый день бороться за нее. Свобода может погибнуть в течение жизни всего одного поколения.

История свидетельствует, что доктор Кинг достиг значительных результатов за сравнительно короткое время, а это как раз то, в чем нуждалась Америка. Позвольте мне привести цитату из того, что он писал в тюремной камере:

«Если вы вдруг обнаруживаете, что ваш язык не повинуется вам при попытке объяснить шестилетней дочери, почему она не может пойти в только что разрекламированный по телевизору центр аттракционов; если вы пересекаете страну из конца в конец и вынуждены каждую ночь проводить, свернувшись на сиденье своей машины, потому что вас не пускают ни в одну из гостиниц; если вы день за днем подвергаетесь оскорблениям и издевательствам, потому что кругом развешены таблички «для белых», «для черных», вы поймете, почему нам так трудно ждать».

Мартин Лютер Кинг горел верой в свободу, и этот пламень его сердца осветил путь миллионам. Он снял тяжкий гнет с нашей страны. И это имело значение не только для чернокожих американцев, но и для всех остальных жителей страны. Так же, как черные американцы страдали в ярме рабства, Америка страдала от несправедливости. Многие американцы не понимали, насколько тяжелым был этот гнет, пока его не сняли. Доктор Кинг сделал это для нас, для всех нас.

Авраам Линкольн освободил чернокожих. В большей степени доктор Кинг освободил белых. Как удалось ему совершить этот выдающийся подвиг? Там, где другие – и черные, и белые – проповедовали ненависть, он учил основам любви и ненасилия. Мы должны быть глубоко благодарны доктору Кингу за то, что он использовал свое красноречие во имя любви и надежды, против ненависти и жестокости. Он понял, что напряженность в нашей стране – это напряженность несправедливости, и преобразовал ее на благо Америки и всего народа.

Мартин Лютер Кинг, американский баптистский священник и борец за гражданские права в 60-х годах XX века

В течение всей своей жизни и особенно политической карьеры я говорил о сущности и духе Америки. Я думаю, что огромное большинство американцев пропитаны этим духом в той же мере, в какой пропитан им был доктор Кинг. Он говорил: «Цель Америки – свобода». Он говорил: «Народ Америки заражен идеалами демократии». В этом он видел надежду. Он говорил, что верит в то, что у нашей нации огромные возможности. Он искренне верил в потенциал Америки.

Кто-то сказал, что у человека можно отнять друга, но лишить его удовольствия вспоминать о своем друге нельзя. Что ж, Америка потеряла сострадание и храбрость доктора Кинга, но его самого мы не потеряли. Каждый раз, когда чернокожая женщина опускает в урну избирательный бюллетень, – с нами доктор Кинг. Каждый раз, когда черный ребенок получает хорошее образование, – с нами доктор Кинг. Каждый раз, когда чернокожего избирают в общественный орган, – с нами доктор Кинг. Каждый раз, когда черный и белый работают плечом к плечу на благо будущего Америки, – с нами доктор Кинг. Он с нами, и особенно сегодня.

Мартин Лютер Кинг любил говорить о своей глубокой вере в Америку и в будущее человечества. Он отказался от того, что есть, ради того, что должно быть, и посвятил свою жизнь этой мечте. Многие его мечты стали реальностью, но многие ждут своего часа. Вера доктора Кинга останется для нас маяком надежды на пути нашего совместного служения Америке, стремления превратить ее в страну, которой, мы уверены, она может стать.

«Чудесный город на холме» (Из речи Р. Рейгана при получении мандата на выдвижение кандидатом в президенты от республиканской партии. Даллас, штат Техас, 23 августа 1984 года)

Делегаты съезда, сограждане!

Четыре года назад я не совсем точно представлял, в чем заключаются обязанности моей должности, а совсем недавно первоклассники школы «Корпус Кристи» в Чамберсбурге, штат Пенсильвания, рассказали мне о некоторых новых обязанностях, которые мне были неизвестны. Учитель попросил малышку Леу Клайн рассказать об обязанностях президента. Она ответила: «Президент посещает собрания. Он помогает животным. Президент расстраивается. Он говорит с другими президентами». Надо же, такая маленькая и такая умница!

Сегодня мое сердце переполнено признательностью за ваше доверие. Я принимаю ваш мандат на пост президента Соединенных Штатов, и я буду выступать на платформе нашей партии, которая уверенно ведет Америку в будущее.

Америке впервые за полвека предстоит сделать четкий политический выбор. В основе нынешней кампании, в основе будущего Америки лежат различия, в том числе и философские, между нашими двумя партиями.

Я участвую в политической борьбе достаточно долго, чтобы знать, что политическая партия и ее руководство не могут сменить свои принципы за четыре дня. Мы никогда не сделаем этого, а нашим противникам, не удалось этого сделать в Сан-Франциско, как они ни старались. Мы узнали, в чем заключаются наши ценности, не из опроса общественного мнения, проведенного за неделю до съезда. И мы не ставили флюгер на мост через Золотые ворота, прежде чем стали говорить об американских семьях.

Выбор этого года – это не просто выбор между двумя различными личностями или двумя политическими партиями. Это выбор между двумя взглядами на будущее, между двумя принципиально различными методами руководства: их, основанным на пессимизме, страхе и ограничениях, и нашим – на надежде, уверенности и развитии.

Их правительство относится к людям в зависимости от их принадлежности к различным группам, наше – служит каждому американцу как личности. Они живут в прошлом, пытаются применять старую, негодную политику к эпохе, которая прошла мимо них. Мы учимся у прошлого и стремимся к переменам, уверенно прокладывая новый путь в будущее. Они живут обещаниями – чем больше, тем лучше. Мы предлагаем проверенные, надежные ответы.

Наши противники начали эту кампанию в надежде, что у Америки короткая память. Что ж, давайте пригласим их на небольшой экскурс в прошлое. Давайте напомним им, как от инфляции в 4,8 % в 1976 году страна дошла до того, что в течение нескольких лет подряд темп инфляции выражался двузначным числом и был самым высоким со времен Первой мировой войны. От этого пострадали неимущие и старики, начинающие совместную жизнь молодые пары и рабочие, едва сводившие концы с концами.

Инфляция – не чума, занесенная ветром. Это была продуманная часть их официальной экономической политики, необходимая, по их словам, для поддержания благосостояния. Они не сказали нам, что также будут введены и самые высокие со времен гражданской войны процентные ставки. Когда ежемесячные выплаты по займам более чем удвоились, жилищное строительство почти замерло. Десятки тысяч плотников и других строителей оказались выброшенными на улицу. А в чьих руках находились тогда обе палаты конгресса и исполнительные органы? Не в наших, нет, не в наших.

Во время проведения предвыборной кампании в 1980 году мы видели признаки упадка промышленности по всей Америке. В сельскохозяйственных регионах инфляция увеличила себестоимость продукции. По фермерам тяжело ударило эмбарго на зерно, и они были вынуждены занимать деньги под невероятные проценты, только бы перебиться. Многие не перебились. Фермерам приходится бороться с вредителями, с погодой, за место на рынке. Им приходится бороться с собственным правительством. В 1980 году о высоких ставках в Сан-Франциско не говорили. А как насчет налогов? О них в Сан-Франциско речь шла. Уилл Роджерс сказал однажды, что он ни разу не встретил человека, который ему бы не понравился. Что ж, если перефразировать Уилла, то наши друзья из другой партии никогда не встречали налога, который бы им не понравился или который бы они не увеличили.

В результате проводимой ими политики за последние тридцать лет налоги, взимаемые с многодетных семей, поднялись в три раза больше, чем налоги со всех остальных слоев населения. Всего за пять лет, предшествовавших приходу нашей партии к власти, налоги почти удвоились.

Среди так громко разглагольствовавших о честности политиков в Сан-Франциско были люди, осуществлявшие в 1977 году самое большое единовременное увеличение налога за всю историю. Оно предусматривало ряд увеличений налога с выплат по социальному страхованию и пересмотр минимальных сумм, с которых этот налог не взимался. Принятый ими законопроект имел целью проведение до 1990 года двух дополнительных увеличений, которые больше всего ударили бы по людям с низкими доходами.

Бюро переписи подтверждает, что из-за унаследованных нами законов о налогах количество семей, находящихся на уровне или ниже уровня бедности и выплачивающих при этом подоходный налог, за период с 1980 по 1982 год удвоилось. Конечно, некоторым облегчением для них стало проведенное нами в 1983 году общее снижение налогов. Их положение еще улучшится, когда в январе вступит в силу новая система индексации налогов.

Наши противники неоднократно высказывались за отказ от индексации. Но разве это отразится на богатых? Нет, потому что они уже и так в верхней строке налоговой таблицы. А те трудящиеся, которые справляются с инфляцией только благодаря имеющимся поправкам по прожиточному минимуму, окажутся в более высокой строке налоговой таблицы и не смогут даже угнаться за инфляцией, потому что будут платить более высокий подоходный налог. Это ползучий налог, за который выступают наши противники, и против которого боремся мы.

Наша задача разъяснить всем гражданам нашей страны, что разорительные налоги, дорогие социальные эксперименты и непродуманная экономическая политика не являются лишь результатом деятельности нынешней администрации. В течение двадцати шести лет, вплоть до 21 января 1981 года, оппозиционная партия имела большинство в обеих палатах конгресса. Более четверти века они утверждали все статьи расходов и все налоги.

Лет десять назад они заявили, что федеральные расходы вышли из-под контроля, и провели закон об ограничении бюджета, а через пять лет дефицит достиг 260 миллиардов долларов. Ничего себе ограничение!

В 1981 году мы получили большинство в сенате и в исполнительных органах. При поддержке некоторых демократов в палате представителей, обеспокоенных сложившейся ситуацией, мы приступили к проведению политики ограничения федерального бюджета вместо ограничения бюджета семьи.

Специальная комиссия во главе с вице-президентом Джорджем Бушем – лучшим вице-президентом, который когда-либо был в этой стране – ликвидировала излишние инструкции, которые связывали по рукам и ногам предпринимательство и промышленность.

Быть может, наши друзья вспомнят трюк, который они изобрели для своей кампании 1976 года. Как сказал нам позавчера вечером президент Форд, сложив темпы безработицы и инфляции, они получили то, что называется индексом нищеты. В 1976 году он достиг 12,5 %. Они заявили, что с таким индексом нищеты действующий президент не имеет права требовать переизбрания. Так вот, четыре года назад, в 1980-м, они уже не упоминали об индексе нищеты, быть может, потому, что он превысил к тому времени 20 %. Более того, в этом году они его тоже не вспомнят. Он упал до 11,6 % и продолжает падать.

Почти любое мероприятие наших оппонентов ухудшало положение американцев, живущих в бедности. Увеличились случаи подростковой наркомании, возросло число незаконнорожденных, преступность тоже не стояла на месте. Пришли в упадок жилые кварталы и школы. Те, кому правительство намеревалось помочь, обнаружили, что они попали в зависимость, из которой не могут выбраться. Правительство превратилось в лекарство, дающее временное облегчение, но и порождающее зависимость от него.

Давайте взглянем на некоторые факты, о которых наши противники не хотят и слышать. Самый значительный прирост процента нищих – свыше 9 % ежегодно – произошел в 1978–1981 годах. А в первые два года нашей администрации ежегодный прирост упал до 5,3 %, а в 1983 году, впервые с 1978 года, сколько-нибудь значительного роста нищеты вообще не отмечено.

Расходование миллиардов долларов на программы, которые делали жизнь людей хуже, было нерационально и несправедливо. Наступило время прекратить эту зависимость от действий правительства и возродить доверие к человеку.

В 1980 году народ вместе с нами решил, что экономический кризис не был вызван тем, что мы слишком хорошо жили. Слишком хорошо жилось правительству. Наступило время, когда рост налогов должен стать не первым, а последним, крайним средством.

Народ сказал либеральному руководству в Вашингтоне: «Попробуйте сократить правительство, прежде чем сокращать нашу зарплату».

У нашего правительства были серьезные трудности и на международной арене. У нас были самолеты, которые не могли взлететь, и корабли, которые не могли выйти в море. Многие наши военнослужащие питались по карточкам из-за нищенской зарплаты, набор в армию сократился. Не хватало боеприпасов, запасных частей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.